

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ	3
<i>Парфенов М. С. Рыжик</i>	6
<i>Дмитрий Лопухов. Роголик</i>	59
<i>Антон Темхагин. Доставка</i>	100
<i>Владимир Сулимов. Барахло</i>	143
<i>Павел Давыденко. ЗИЛ</i>	182
<i>Оксана Ветловская. Везде живут люди.</i>	213
<i>Станислав Миллер. Алкот</i>	253
<i>Индира Искендер. Гвозди, бритвы, булавки и немного черных ниток.</i>	273
<i>Дмитрий Карманов. Кага Тио</i>	306
<i>Сергей Возный. Поводырь</i>	342
<i>Артем Гаямов. «Красный пролетарий»</i>	365
<i>Майк Геллфин. Покерный Том</i>	395
<i>Станислав Миллер. Есенин-Вятка</i>	428
<i>Алексей Гибер. «Космоволки!»</i>	458
<i>Антон Темхагин. Вы бывали в Вимерске?</i>	488
<i>Настя Кацуба. Цветник.</i>	527
<i>Дэн Старков. Мракосеич.</i>	560
<i>Дмитрий Карманов. Найдись, монета!</i>	598
<i>Алексей Искров, Герман Шендеров. Мявк</i>	652

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С. — на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Елифанову и Координатора отбора Ирину Парфенову, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям — из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, чтобы читать сотни присланных в ССК историй и голосовать за те, которые им понравятся. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

АЛЕКСАНДР МОСКВИН (г. Москва)

АЛЕКСАНДРА САРАСОНОВА
(г. Нижний Новгород)

АЛЕКСЕЙ ШАТИН (г. Санкт-Петербург)

АНАСТАСИЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВА
(Московская обл., г. Домодедово)

АННА МЕДВЕДЕВА (г. Москва)

ВАЛЕНТИН МАРУДОВ (г. Москва)

ВАЛЕНТИНА БАРИНОВА (г. Тверь)

ВИКТОР ГОФМАН
(Республика Казахстан, г. Караганда)

ВИКТОР МАКОЕД
(Республика Адыгея, г. Майкоп)

ВИКТОРИЯ ГРИЩЕНКОВА
(Московская обл., г. Пушкино)

ВИКТОРИЯ СУРОВА
(г. Москва, район Вороново, пос. ЛМС)

ВИКТОРИЯ ШУСТРОВА (г. Москва)

ДЕНИС КОЗЛОВ (г. Рязань)

ДИАНА ШАРАПОВА (г. Калуга)

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ (Свердловская обл.,
г. Краснотурьинск)

ЕВГЕНИЯ КЛИМОВА (г. Иваново)

ЕЛЕНА ДЫКОВА
(Республика Казахстан, г. Астана)

ЕЛЕНА ЮШКОВА
(Удмуртская республика, г. Ижевск)

ИГОРЬ ПОНОМАРЕВ
(г. Санкт-Петербург)

ИЛЬЯ СТАРОВОЙТОВ (г. Курган)

ИРИНА РУДАКОВА
(г. Нижний Новгород)

ИРИНА ТОПУНОВА
(Московская обл., г. Подольск)

ЛЮДМИЛА КШЕВИНСКАЯ (г. Москва)

НАТАЛИЯ ТУРЯНСКАЯ
(Свердловская обл., г. Екатеринбург)

НИКОЛАЙ РАССАНОВ (г. Киров)

ОКСАНА ТЕПЛОВА (г. Саратов)

ОЛЬГА САГИРОВА (г. Санкт-Петербург)

СВЕТЛАНА ВИЛКС (г. Оренбург)

ТАТЬЯНА КОРОТКИНА
(Ленинградская обл., г. Гатчина)

ТАТЬЯНА РЫБАЛКО
(г. Санкт-Петербург)

ТАТЬЯНА ХАДАНОВИЧ
(Республика Беларусь, г. Минск)

ТАТЬЯНА ЯСИНОВСКАЯ
(г. Санкт-Петербург)

ФИЛИПП ГЕРАСИМЕНКО
(Ставропольский край, г. Невинномысск)

ЮЛИЯ НИКУЛИНА (Москва)

Яна Сидорова (Республика Крым,
Красногвардейский район, с. Петровка)

Спасибо им за труды!

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького». Каждый год мы экспериментируем, совершенствуя нашу систему отбора для того, чтобы подарить вам очередную «самую страшную» книгу.

Мы называем наши издания так не потому, что считаем их действительно САМЫМИ страшными из всех. Мы называем их так потому, что ЛЮБОЙ читатель найдет здесь что-нибудь, что ему понравится. Таковую историю или истории, которые напугают персонально его.

Персонально ТЕБЯ.

ПАРФЕНОВ М. С.

РЫЖИК

Так уж вышло, что сначала в жизни Павлика объявился грубый и наглый «дядь Гера», а только потом — милый и ласковый Рыжик.

Одним злополучным вечером Мама приволокла в их квартирку на окраине очередного хахаля. Она тогда даже не рассмеялась по-настоящему, а словно надела на лицо чью-то чужую улыбку. Громким неестественно-радостным голосом воскликнула: «Вот и наш новый папочка! Обними же его, дурачок!..» — и пихнула Павлика в спину, понуждая сделать шаг в прихожку, навстречу высокому человеку в мятом сером костюме и стоптанных грязных кроссовках.

Павлик обнимать незнакомца не стал, так как считал себя уже слишком взрослым для таких нежностей. Да и по опыту мимолетных знакомств с предыдущими «новыми папами» знал, что не больно-то это и приятно, когда тебя тискают, как игрушку какую-нибудь плюшево-тряпичную, мозолистые мужские лапы. Избегая неприятных объятий, протянул «мятому» ладошку: «Здрасьте...» А тот — сжал ее в своей громадной и твердой, словно из деревяшки выструганной, руке. С такой силой сжал, что косточки захрустели.

Павлик скривился от треснувшей в пальчиках боли. Незнакомец, не ослабив хватки, наклонился вперед. Блеснул золотыми коронками, пахнул кислой табачной вонью прямо в лицо: «Герман

Петрович. Для тебя, сталбыть, — дядь Гера. Компренде, пацанчик?»

Что-то при этом стеклянно звякнуло совсем рядом, и перепуганный, ошпаренный болью в раздавленной конечности Павлик даже подумал, что это внутри него самого какой-то особо важный орган вот-вот разлетится на осколочки. Раскрыть рта не рискнул — а ну еще захнычет от боли и страха, как девчонка. Только мелко-мелко закивал: понял, мол, понял!

«Все пучком, чико, — хмыкнул дядь Гера, отпуская Павликову ладошку — ладошку-лепешку, как ее теперь можно было бы назвать. Выпрямился, уже не глядя на новоиспеченного пасынка, выудил из-за спины и протянул Маме пакет с звенящей тарой. — Я ж говорил, что быстро контакт наладим, мучача!»

Той же ночью, пряча голову под подушками, чтобы не слышать скрипы и стоны, доносящиеся из спальни, которую прежде делил с Мамой, Павлик постепенно начал осознавать: бывшие деньки, и без того не очень-то радостные, закончились. Мягкий дядя с ходу, одним только своим появлением, смял и его маленький мирок. Разрушил до основания, разнес вдребезги какой-никакой, а все-таки привычный порядок. И грозил превратить жизнь Павлика в сущий ад.

Оставалось надеяться, что продержится очередной «папа» не дольше предшественников: Мама быстро сходилась с мужчинами, но так же легко те от нее и сбегали вскорости: месяц-другой, и адью. Ну или «адьос», если на манер дядь Геры выразаться.

Только б самому это время вытерпеть...

А неделю спустя брел грустный Павлик домой из школы. С физры специально схилял, чтоб до обеда успеть, пока новый папа где-то в городе в поисках

подработки рыщет. У дядь Геры никакой постоянной работы почему-то не было, зато были мутно-синие наколки в виде перстней на пальцах, две или три желтые «фиксы» во рту и привычка вставлять в речь словечки, вроде как испанские, которые он сам называл «эксперантос». С этим своим «эксперантос» дядь Гера частенько приставал к Павлику, если ловил того на кухне. Обзывал «чикой», хватал за локти, тащил к столу или пытался усадить к себе на колени. Предлагал выпить «текилы» — то был мутный багряный коктейль из портвейна и водки. Мог и пинка прописать, если мальчик отказывался. Так или иначе, но Павлик в таких случаях при любом раскладе оставался голодным до самого вечера, пока Мама не возвращалась с вокзала. Поэтому-то он и предпочитал либо сразу после школы тащить через полгорода в Мамин буфет, где уж точно что-нибудь да перепадет, пусть даже совершенно невкусная, «резиновая» булка с «бумажной» сосиской, либо сорваться с уроков пораньше, чтобы успеть покушать дома до прихода дядь Геры. Покушать и спрятаться в своей комнате, избежав пыток «эксперантос».

Так и шел Павлик к своему подъезду в ту пятницу, как вдруг навстречу с громким требовательным писком выкатился меховой кругляш с блестящими зелеными глазенками. Кругляш, назвать которого можно было только одним словом — «Рыжик». И никак иначе: любое другое имя этому маленькому ласковому солнышку было бы чуждо. Ну не Барсиком же такое яркое чудо звать, не Тишкой или Васькой каким-нибудь, когда с первого взгляда понятно, что он — Рыжик.

Котенок кинулся Павлику в ноги, прижался боком — тепло крохотного тельца ощущалось даже через штанину — и принялся тереться, обходя кругом, сначала об одну ногу, потом о другую.

— Ты чего?.. Ты чей?.. Откуда ты взялся-то, Рыжик?..

Павлик огляделся — может, где-то рядом хозяйин или хозяйка котика нарисуетя. Но время шло к обеду, поэтому взрослые жильцы, видать, все еще на работах пропадали, как Мама. Пустовала и детская площадка перед домом — там никого не было, если не считать Карину, девчонку с восьмого этажа. Карина училась в одной с Павликом школе, но в другую смену, и пару раз, пересекшись на переменах в школьном дворе, защищала его соседски от старшаков. Сейчас она сидела на лавочке перед качелями, закинув ногу на ногу, а рядом валялся ее рюкзак с пугающим рисованным черепом. На ней были синие чулки и такие же крикливые, но только ярко-красные, в тон коротким крашеным волосам, сапожки на каблуках, и куртка, приспущенная с левого плеча. В одной руке Карина держала тонкую сигарету, а в другой — мобильный телефон. От сигареты в воздух поднималась струйка сероватого дыма, а в телефоне соседка с кем-то переписывалась.

Вообще, из-за «айфона» Павлик ее не очень любил. Потому что завидовал, ведь такие видал только у взрослых, и то не у всех. Вот у его Мамаы, к примеру, не было. Павлику казалось, что будь у него самого айфон, то и дядь Гера бы отстал. А может, и не случилось бы в их с Мамаой жизни больше никаких дядь Гер — пацанам с айфонами «новые папы» вроде как без надобности.

И хотя с мобильником он Карину замечал постоянно, а вот с котятами — никогда, Павлик все-таки решил на всякий случай удостовериться, что Рыжик — не ее. Подхватил пушистый шарик на руки, чтобы отнести к скамейке. А тот сразу прильнул к груди мальчика. Запустил коготочки в свитер и кожу — не столько больно, сколько щекотно — и

заурчал. Не замурлыкал даже, а затарахтел, равномерно и успокаивающе, точно маленький моторчик у Павлика рядом с сердцем заработал. И так Павлику стало от этого хорошо, что он моментально передумал с Кариной о чем-либо говорить.

Вот только та как раз отвлеклась от переписки, чтобы затянуться сигаретой, и заметила соседа.

— Оп-па, мелкий! А ну-ка, сюда посмотри... Да повернись ты, кому говорят, ну не съем же я тебя. Чего это ты там сныкал?.. Уи-и-и!

Лицо Карины расплылось в широкой улыбке, которая сразу же превратила ее для Павлика из уже почти совсем взрослой обратно в ребенка, такого же, как он сам. Потому что взрослые, с мобильниками или без, так искренне и радостно улыбаться не умеют. Даже Мама.

— Уи-и-и! — повторила Карина. — Котейка!

Недокуренная сигарета осталась чадить на краю скамейки, мобильник юркнул в карман, а рюкзак и вовсе свалился наземь — в одну секунду соседка очутилась перед Павликом, тот даже моргнуть не успел.

— Классный какой, уи-и-и! Пушистенький какой, уи-и-и! Дай, дай мне его погладить! Ну, дай же!

Павлик нехотя передал ей малыша:

— Его Рыжик звать.

— Конечно, Рыжик, это ж и дятлу понятно. Ну не Черныш же! Я все мечтаю черненького завести, чтоб как у настоящих ведьм, но этот тоже такой маленький, кругленький, просто уи-и-и!.. О, да он у нас мальчик! Мальчик, видишь?

Карина развернула котенка, но Павлик разглядел только коротенький хвостик, завернувшийся наверх, к животу — мех в этом месте оказался чуть светлее, чем на остальном теле Рыжика, ближе к желтому.

— Себе заберешь, — расстроился Павлик.

— Куда там... У бати моего аллергия. Хотя, знаешь, был бы он черный — взяла бы, и пофиг на предков ваще!

Павлик посмотрел на валяющийся в пыли у скамейки рюкзак. Пиратский «веселый Роджер» как будто подмигивал ему оттуда.

— А ты, типа, ведьма какая-то?

— Типа да. — Она вернула ему Рыжика, подобрала притухшую сигарету и вытащила из кармана зажигалку. Чиркнула колесиком, затянулась и выпустила в воздух кольцо серебристого дыма. Хихикнула. — Чисто Гэндальф в юбке, понял?

Павлик кивнул, хотя что такое «гендальф», ему было неизвестно. И на всякий случай повернулся к скамейке боком, чтобы укрыть котенка от вонючего дыма. Не удержавшись, спросил:

— А тебя родители не заругают, что куришь?

— Заколдованные они у меня! Заговор наложила, для отвода глаз. Понял, да? — Карина снова прыснула. — Ой, да ладно те, уши развесил... Ведьмовство всякое, если что, это так, чисто в приколы, а не по серьезке. А предки... — Тут выражение ее лица переменялось, снова став «взрослым». — Не до меня им сейчас... Развод у них сейчас, понял?

Слово «развод» Павлик знал — своего самого первого, настоящего папу уже толком не помнил, а вот это слово отпечаталось в памяти намертво, поделив их с Мамой жизнь на «до» и «после». Ему даже стало жаль соседку.

— Что делать-то с котейкой будешь? — спросила Карина.

— Домой отнесу.

— Уверен? Ваш-то синяк похуже моего аллергия. Зашибить может.

— Синяк?

— Ну, батя твой. Или кто он там тебе, отчим?